

Особенности цифрового гражданского участия в ракурсе современных исследований

**Елена Олеговна
СМОЛЕВА**

Вологодский научный центр Российской академии наук
Вологда, Российская Федерация
e-mail: riolenas@rambler.ru
ORCID: 0000-0002-6452-1441; ResearcherID: I-8343-2016

**Андрей Васильевич
ПОПОВ**

Вологодский научный центр Российской академии наук
Вологда, Российская Федерация
e-mail: ai.popov@yahoo.com
ORCID: 0000-0002-4803-1354; ResearcherID: I-8785-2016

Аннотация. Возникновение и развитие цифрового гражданского участия является неизбежным следствием проникновения глобальной сети Интернет в различные сферы жизнедеятельности. Несмотря на новизну самого феномена, практики онлайн-активизма прочно вошли в общественную жизнь, оказывая существенное воздействие на те или иные события, а порой и вовсе выступая в качестве основного триггера последующих изменений, что особенно характерно для политической системы. Вместе с тем существует немало опасений, связанных с распространением цифрового гражданского участия, в результате чего весьма сложно говорить о долгосрочных последствиях таких преобразований. В связи с этим цель работы заключается в обобщении опыта изучения цифрового гражданского участия и выделении особенностей его проявления в

Для цитирования: Смолева Е.О., Попов А.В. (2022). Особенности цифрового гражданского участия в ракурсе современных исследований // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. Т. 15. № 3. С. 154–166. DOI: 10.15838/esc.2022.3.81.8

For citation: Smoleva E.O., Popov A.V. (2022). Digital civic participation in the context of modern research. *Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast*, 15(3), 154–166. DOI: 10.15838/esc.2022.3.81.8

современном мире. Методология исследования строится на принципах систематического научного обзора. В ходе анализа были определены сущностные основы и рассмотрены отличительные черты онлайн-активизма по сравнению с традиционным офлайн-форматом, которые находят отражение в формах проявления, способах привлечения и составе самих участников, а также условиях, необходимых для осуществления коллективных действий. Широта цифрового гражданского участия во многом обеспечивается легкостью точки входа в общественные дела, а также вариативностью направлений деятельности и типов сетевого взаимодействия. Несмотря на распространенность тезиса о сугубо внешней видимости онлайн-активизма и его разрушительных последствиях, конкретные эмпирические исследования не подтверждают данный вывод. Тем не менее угрозы распространения информационно-коммуникативных технологий вполне реальны и выходят далеко за рамки виртуального пространства. В заключение сформулировано несколько дискуссионных положений о возможных способах преодоления существующих противоречий в этой области. Проведенное исследование вносит вклад в развитие научных представлений о специфике цифрового гражданского участия и раскрытие потенциала его применения в ракурсе современных вызовов и угроз.

Ключевые слова: цифровое гражданское участие, онлайн-активизм, цифровой активизм, социальные сети, слактивизм, гражданское участие, диджитализация.

Благодарность

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ и ЭИСИ в рамках научного проекта № 21-011-31702.

Введение

Тенденции современного развития позволяют с уверенностью говорить о полноправном вступлении мирового сообщества в цифровую эпоху. За последние 20 лет удельный вес пользователей сети Интернет увеличился с буквально нескольких процентов до более чем половины жителей планеты¹. В условиях пандемии коронавируса COVID-19, когда спрос на цифровые сервисы продемонстрировал рекордный рост, значения показателя достигли 66%, а в отдельных регионах мира – 90% и выше². Очевидно, что в ближайшем будущем использование глобальной сети примет повсеместный характер. Уже сейчас она проникла практически во все сферы человеческой деятельности, преобразуя традиционные практики участия населения в жизни общества. В этом плане сеть Интернет выступает не только средством осуществления привычных для нас действий, но и пространством, закрепляющим принципиально новые

модели поведения. Особенно наглядно это проявляется в области гражданского активизма, где на место пикетов, забастовок и демонстраций приходит онлайн-активность: от написания и репостов сообщений в социальных сетях до разработки специальных приложений, направленных на выявление и решение социальных проблем. В то же время открытость, а в большинстве своем и анонимность интернет-пространства не только способствует расширению возможностей участия в общественных инициативах, но и становится площадкой для ведения деструктивной деятельности (распространение дезинформации, интернет-травля, хакерские атаки и т. д.).

В результате восприятие цифрового гражданского участия, несмотря на закономерность его возникновения, сложно назвать однозначным. В академической среде зачастую говорится о позитивных сторонах данного феномена, который нередко только зарождается в цифровом пространстве, а реализуется уже офлайн (Башева, 2020, с. 45). При этом исследователи подчеркивают, что цифровое гражданское участие скорее не замещает традиционные практики, а способствует раскрытию их потен-

¹ Individuals using the Internet (% of population) // World Bank Open Data. URL: <https://data.worldbank.org/indicator/IT.NET.USER.ZS> (accessed 15.10.2021).

² Internet usage statistics // Internet World Stats. URL: <https://www.internetworldstats.com/stats.htm> (accessed 15.10.2021).

циала и повышению разнообразия форм социальной активности, в особенности для молодых поколений³ (Pettingill, 2008). Однако существуют и противоположные взгляды на этот счет. Так, использование цифровых медиа нередко оборачивается слактивизмом (кликтивизмом), то есть имитацией деятельности, когда действия в сети удовлетворяют лишь собственные потребности вследствие иллюзорности представлений о причастии к решению той или иной проблемы (подписание онлайн-петиций, вступление в интернет-сообщества и т. д.) (Lane et al., 2018). Вместе с тем конкретные эмпирические исследования, как правило, не подтверждают данную гипотезу (Lee, Hsieh, 2013; Howard et al., 2016; Boulianne, Theocharis, 2020), хотя в отдельных работах внимание акцентируется на том, что в случае анонимной поддержки инициатив вероятность реального участия в них заметно снижается (Yessenbekova, 2020).

Цифровое гражданское участие является весьма чувствительной темой для органов власти. С одной стороны, в развитых странах имеются объективные предпосылки для обеспечения принципов делиберативной демократии, подразумевающей вовлечение институтов гражданского общества в сферу реализации государственной политики (Ермолаева и др., 2020, с. 388), поскольку уровень участия молодежи в традиционных практиках (в частности, голосование и вступление в политические партии) неуклонно снижается (Xenos et al., 2014). Отсюда и заинтересованность правительства в создании благоприятных условий для цифрового активизма. Наряду с этим имеется немало причин для беспокойства в связи с его распространением. Одной из них является отсутствие прозрачности в Интернете (Mandarano et al., 2010, р. 132), что позволяет, например, скрывать авторство экстремистских публикаций, доступных для широкой аудитории, и не нести за это ответственность. Похожим образом обстоят дела и в случае с виртуальной агрессией, бороться с которой достаточно сложно (Макарова и др., 2016, с. 298–299). Другая немаловажная проблема заключается в распространении фаль-

шивых новостей, получивших второе дыхание в цифровую эпоху как инструмент манипулирования массовым сознанием. Бесконтрольное распространение информации в глобальной сети способно обернуться серьезными последствиями для государства и общества. В качестве примеров можно назвать президентские выборы в США в 2016 году, в ходе которых каждая четвертая новость в социальной сети Twitter носила ложный или крайне предвзятый характер (Bovet, Makse, 2019), а также пандемию коронавируса COVID-19, породившую огромное количество дезинформации (Vagua et al., 2020). В связи с этим во многих странах предпринимаются серьезные меры, направленные на урегулирование и контроль гражданской активности в сети Интернет.

Несмотря на все возможности и угрозы, феномен цифрового гражданского участия проявляется на различных уровнях сетевого взаимодействия. Как правило, формирование горизонтальных связей происходит, когда инициативные люди заявляют о своей позиции и объединяются друг с другом для достижения тех или иных целей. В этом случае могут использоваться самые разнообразные интернет-площадки, созданные как для простого общения и обмена информацией, так и непосредственно побуждающие граждан к созидательной деятельности (например, краудфандинговые платформы). На вертикальном уровне взаимодействия преимущественно происходит диалог между обществом и органами власти, где в качестве базиса выступает электронное правительство, получившее развитие практически во всех странах мира⁴. Данная концепция представляет собой организацию государственного управления на основе применения информационно-коммуникационных технологий (ИКТ), которые, в частности, расширяют возможности обратной связи и предоставления электронных услуг.

⁴ Исследование ООН: Электронное правительство 2020. Цифровое правительство в десятилетии действий по достижению устойчивого развития / Департамент по экономическим и социальным вопросам ООН. URL: <https://publicadministration.un.org/egovkb/Portals/egovkb/Documents/un/2020-Survey/2020%20UN%20E-Government%20Survey%20-%20Russian.pdf> (дата обращения 10.10.2021).

³ Smith A. Civic Engagement in the Digital Age // Pew Research Center. URL: <https://www.pewresearch.org/internet/2013/04/25/civic-engagement-in-the-digital-age/> (accessed 15.10.2021).

Принимая во внимание противоречивость и широкое распространение онлайн-активизма, важно подчеркнуть, что в этой области сохраняется множество лакун, препятствующих раскрытию его потенциала. Представленная в научной литературе информация носит во многом разрозненный характер, в результате чего весьма сложно говорить о формировании целостного понимания сущности и перспектив развития данного феномена с точки зрения возможностей взаимодействия государства и общества. В связи с этим в статье поставлена цель обобщить опыт изучения цифрового гражданского участия и выделить особенности его проявления в современном мире. Особое внимание также уделено сравнению практик, реализуемых в виртуальном и реальном мире, поскольку данный дискурс имеет принципиальное значение для определения контуров будущего гражданского общества.

Материалы и методы

Для того чтобы более четко обозначить дизайн исследования, раскроем сущность понятия «цифровое гражданское участие» и смежных с ним категорий. Однако сразу оговоримся, что в рамках настоящего исследования мы используем термины «цифровое гражданское участие», «онлайн-активизм», «онлайн-участие», «цифровой активизм», а также ряд более широких формулировок (например, онлайн-формат гражданского участия) в качестве синонимов. Несмотря на некоторые различия в трактовках, это позволило нам сократить количество излишне громоздких речевых конструкций и повторов, затрудняющих восприятие излагаемого материала.

В многочисленных работах при определении цифрового гражданского участия отправной точкой служит утверждение о том, что *это форма гражданского участия, в ходе реализации которой задействован инструментарий ИКТ* (Vegh, 2003; Yang, Kang, 2014; Gerbaudo, 2017). Если следовать такой логике, то в первую очередь необходимо соотносить понятия «гражданское участие» и «цифровое гражданское участие» как общее и частное. Для этого обратимся к дефиниции первого термина, ограничив его предметное поле и выделив сущностные признаки (Milbrath, 1965, p. 5).

Анализ научной литературы позволил задать следующие концептуальные рамки гражданского участия:

- к участию относятся добровольные коллективные действия (Демакова и др., 2014, с. 148);
- цель действий — оказание влияния / давления на власть (Ермолаева и др., 2020; Teocharis, 2015), кооперация с другими гражданами и структурами гражданского общества (Никовская, 2017) или повышение осведомленности (Lonkila et al., 2021);
- действия реализуются в ходе коммуникативного взаимодействия с другими гражданами и социальными институтами (Lonkila et al., 2021);
- в качестве результата действий предполагается решение социальной проблемы (Ермолаева и др., 2020), удовлетворение общественных интересов (Скалабан, 2011a).

Опираясь на вышеперечисленные положения, *под гражданским участием мы будем понимать различные виды добровольного взаимодействия граждан или их объединений с целью оказания влияния на власть, кооперации или повышения осведомленности, направленные на решение социальных проблем и удовлетворение общественных интересов*. Поскольку понятийный аппарат в этой области еще не сформирован, провести четкую границу между смежными категориями едва ли представляется возможным. Так, в научной литературе говорится о том, что социальное участие в большей степени основано на горизонтальных связях, которые устанавливаются в рамках повседневной жизни, в то время как гражданское участие акцентирует внимание на взаимодействии людей с различными структурами и демократическими институтами и может включать в себя политическое участие (Скалабан, 2011b, с. 136–137). Мы разделяем данную точку зрения, однако она не является единственной, и каждый автор в конечном итоге подразумевает под обозначенными терминами что-то свое. Все это накладывает определенные ограничения на наше исследование, поскольку в ходе анализа научной литературы зачастую понятийный аппарат остается за рамками повествования, в результате чего сформировать целостное представление об используемом подходе бывает весьма сложно.

Далее возникает закономерный вопрос: действительно ли переход к цифровому гражданскому участию ограничивается использованием ИКТ? С позиции выделения сущностных признаков это действительно так, что подтверждает вышеназванная литература, при этом виртуальное пространство вносит серьезные коррективы в поведение людей. Одной из таких особенностей становятся *соединительные действия, которые подразумевают отсутствие четкой координации «сверху-вниз» лидерами движений* (Bennett, Segerberg, 2015). Относительная легкость входа в онлайн-активизм делает необязательным наличие формальной организации и лидерства, а также формирование гражданской идентичности и коллективной идеологии (Bennett, 2012). Не случайно в научный дискурс даже вводится понятие «персонализированные коллективные действия» (personalized collective action) (Micheletti, 2003). Вместе с тем нельзя не отметить, что среди сетевых пользователей существует разделение на *лидеров мнений* (коммуникаторов в линейной модели коммуникации Г. Лассуэлла) и *реципиентов информации*. Так, лишь 6% пользователей Twitter были классифицированы как «активные политические твитеры», тогда как остальные участники протестных групп ограничивались прочтением, «лайками», иногда комментированием и репостами (Ахременко и др., 2020).

Само по себе цифровое гражданское участие неразрывно связано с традиционными коллективными действиями и зачастую выполняет роль бустера, усиливая или расширяя их прежде всего за счет налаживания коммуникативных цепочек и распространения информации в социальных сетях и мессенджерах. В таком случае основные эффекты достигаются в реальном мире, что *требует дополнительных усилий за пределами виртуального пространства* (голосование на выборах, участие в митингах и т. д.). Однако онлайн-активизм может быть весьма самодостаточным и осуществляться только в сети Интернет. На первый план здесь выходят целевые установки индивида, которые могут ограничиваться, например, информированием населения о социально значимых проблемах. В то же время существует немало возможностей, позволяющих в полной мере реализовывать потенциал цифрового гражданского участия. Главным образом речь идет об интернет-

платформах (digital participatory platforms), которые могут использоваться для сбора денежных средств на благотворительность, поддержки различных гражданских инициатив, создания цифровых решений и даже электронного голосования по актуальным для государства и общества вопросам. Спектр возможных направлений растет с каждым днем, хотя и зависит от особенностей той или иной страны. В самом обобщенном виде такие действия подразделяют на информирование/пропаганду (awareness/advocacy), организацию/мобилизацию (organization/mobilization) и действие/реакцию (action/reaction) (Vegh, 2003, p. 72).

Важной особенностью нашего исследования является выстраивание логики изложения *с точки зрения действий активистов*, т. е. рассмотрение сугубо односторонних связей, поскольку даже в этом случае тематика остается достаточно широкой, хотя мы и ставим перед собой цель лишь обозначить общие контуры развития цифрового гражданского участия. Согласно принятому подходу при решении общественно значимых проблем индивид может обращаться как в органы власти, так и к другим социальным институтам. Исходя из этого, мы предполагаем, что цифровое гражданское участие характеризуется следующими основными типами взаимодействия: *граждане и правительство* (C2G, citizen-to-government), *граждане и общество* (C2S, citizen-to-society), *граждане и бизнес* (C2B, citizen-to-business) (Смолева, 2021).

В ходе анализа мы использовали методологические принципы построения систематического научного обзора, включающего постановку цели и разработку дизайна исследования, отбор литературы, обобщение и представление результатов (Tranfield et al., 2003, p. 214). Информационную базу работы составили статьи, опубликованные в отечественных и зарубежных базах данных, монографии, отчеты международных организаций и иные источники, размещенные в сети Интернет. Поиск литературы осуществлялся в базах данных Web of Science, Scopus, Google Scholar, РИНЦ по ключевым словам «цифровое гражданское участие», «онлайн-активизм», «цифровой активизм», «слактивизм» на русском и английском языках. Несмотря на отсутствие акцентов в отношении конкретных областей жизнедеятельности, многие работы были *посвящены активности в по-*

литическом поле, что отразилось на характере изложения материала и приведенных нами примерах. Впрочем, это не противоречит сущностным основам цифрового гражданского участия, которые мы обозначили ранее.

Результаты исследования

Результаты анализа научной литературы в области цифрового гражданского участия свидетельствуют о тенденции к суживанию предмета исследования. Зачастую под онлайн-активизмом понимают деятельность, связанную с социальными сетями: размещение оригинального контента и ссылок на пользовательские материалы, обсуждение общественно значимых проблем и побуждение других людей к активным действиям (Theocharis et al., 2021). Реальный же перечень практик цифрового гражданского участия заметно шире и включает в себя *подачу и подпись петиций, благотворительность, создание онлайн-сообществ, электронное голосование* и т. п.

Более широкий подход к цифровому гражданскому участию может быть охарактеризован как «новая концепция гражданства, основанная на альтернативных способах участия» (Ахременко и др., 2020). При этом акты участия в виртуальном пространстве зачастую могут быть чем-то большим, чем просто онлайн-версиями автономных гражданских действий (Theocharis, 2015). Одновременно встречаются высказывания о том, что только перевод онлайн-активности в реальный мир способствует реализации общественными движениями своих предназначений (Menteş, 2019). Именно переход из одного формата в другой вызывает особый интерес. В частности, потенциал протестных движений может накапливаться в Интернете и уже впоследствии выплескиваться «наружу» (движения «Захвати Уолл-стрит», «Арабская весна» и др.) (Ахременко и др., 2020). Поэтому оба формата участия граждан тесно связаны между собой. Ученые приводят данные, согласно которым вероятность обращения к онлайн-формату какого-либо вида гражданской активности возрастает, если человек уже задействован в нем традиционным способом (Theocharis et al., 2021). И наоборот, онлайн-участие в политических дискуссиях положительно влияет на внесетевую активность, например на электоральное поведение (Boulianne, 2009).

Как уже было сказано ранее, цифровое гражданское участие имеет свои особенности в зависимости от типа взаимодействия. В исследовательской среде большое внимание отводится онлайн-активизму, оказывающему непосредственное влияние на деятельность органов власти (C2G): участие в выборах и референдумах, работа заявительных сервисов и т. д. Ключевым механизмом здесь выступает электронное правительство, содержащее различные инструменты для диалога с населением: от государственных информационных ресурсов до порталов государственных и муниципальных услуг. В качестве конкретного примера можно назвать интернет-ресурс «Российская общественная инициатива»⁵, на котором граждане России могут проголосовать за уже существующие инициативы либо выдвинуть свою. Немаловажная роль отводится и неформальным каналам коммуникации, где «пальма первенства» принадлежит социальным сетям, в основном используемым для взаимодействия внутри общества, как между отдельными индивидами, так и при их обращении к различным объединениям (C2S). При этом во втором случае граждане имеют возможность прибегать к более формализованным видам взаимодействия: участие в подготовке информационных материалов, дистанционное обучение, онлайн-волонтерство, управление цифровыми проектами и сетевыми сообществами и т. д. Онлайн-волонтерство здесь рассматривается как элемент краудсорсинга, когда несколько человек работают вместе для решения социально значимой задачи на добровольной основе. В рамках совместной деятельности также выделяются следующие подтипы: краудфандинг (сбор средств или ресурсов), краудвиздом (экспертиза), краудрекрутинг (поиск волонтеров), краудкриэйшн (коллективная разработка идеи).

Поскольку гражданское участие чаще всего трактуется в ракурсе политики и помощи государству в преодолении социальных проблем, некоторый скепсис может вызывать выделение типа взаимодействия «граждане и бизнес» (C2B). Однако мы считаем, что коллективные действия людей в отношении какой-либо

⁵ О проекте // РОИ. URL: <https://www.roi.ru/page/about/> (дата обращения 10.03.2022).

организации, будь то рекламации или отзывы о ее деятельности, оказывают существенное воздействие не только на развитие принципов корпоративной социальной ответственности, но и на функционирование целых отраслей экономики. В качестве примера можно привести движение MeToo, обернувшееся серьезными последствиями для киноиндустрии⁶, разработчиков компьютерных игр⁷ и т. д. В результате многие компании были вынуждены пересмотреть свою политику по вопросам занятости женщин и формирования благоприятных условий труда в целом.

В процессе организации и становления общественных движений цифровая среда способствует реализации важнейших задач по информированию, координации и мобилизации людей (Boyd, 2008). Однако едва ли можно говорить о существовании консолидированной позиции относительно влияния Интернета на гражданское участие. С одной стороны, многие делают акцент на развлекательном характере деятельности пользователей глобальной сети, что отвлекает их от гражданских действий (Wu, Weaver, 1997) и уменьшает социальный капитал (Etzioni, Etzioni, 1999; Putnam, 2000). С другой стороны, виртуальное пространство предоставляет людям, которые уже вовлечены в онлайн-активизм, дополнительные возможности для самореализации (Norris, 2001), а также способствует привлечению новых участников посредством расширения информационного горизонта и обеспечения легкой точки входа в общественные дела (например, переход от подписания петиции до участия в митинге) (Weber et al., 2003; Edgerly et al., 2018).

Так же как и в случае с Интернетом в целом, в научной литературе сформировались полярные подходы к оценке роли социальных сетей в гражданском активизме: *позитивный* (позволяют людям быть более информированными,

находить единомышленников и участвовать в жизни общества) и *негативный* (концентрируют внимание на межличностном общении в онлайн-пространстве, отвлекая от реальных дел и способствуя слактивизму) (Kristofferson et al., 2014; Smith et al., 2019). Представляется, что занимать одну из обозначенных сторон может быть преждевременно в силу не только отсутствия достаточного количества конкретных эмпирических исследований в этой области, но и специфики протекания процесса цифровизации гражданского участия и его регулирования в разных странах. Тем не менее уже сейчас встречаются работы, согласно которым подавляющее большинство респондентов считает, что соцсети эффективны с точки зрения повышения осведомленности общественности о политических или социальных проблемах (80%), создания устойчивых социальных движений (77%), влияния на управленческие решения (63%)⁸. При этом такие платформы, как Facebook и Twitter, воспринимаются в качестве востребованных инструментов для организации протестов (Wolfsfeld et al., 2013) и площадок для политических дискуссий (Howard et al., 2011), а также альтернативных источников информации в условиях контроля со стороны власти традиционных СМИ (Khondker, 2011).

Популярность социальных сетей в данном контексте во многом связана с их массовостью, что позволяет более четко отслеживать те или иные процессы. Так, согласно отчетам Pew Research Center, в 2018 году 53% американцев принимали участие в политической деятельности, сопряженной с действиями в социальных сетях (рост на 14% по сравнению с 2013 годом). Примерно четверть взрослых пользователей соцсетей в США в 2020 году изменили свои взгляды на проблему из-за размещенной там информации (например, о движениях MeToo и BlackLivesMatter). Отсюда вытекает важнейшая роль социальных сетей в формировании политического самосознания людей и их политической самопрезентации (Lane et al., 2019).

⁶ #MeToo and Hollywood: what's changed in the industry a year on? // The Guardian. URL: <https://www.theguardian.com/world/2018/oct/08/metoo-one-year-on-hollywood-reaction> (accessed 10.10.2021).

⁷ #MeToo Topples Activision Blizzard Exec After Huge Staff Revolt—\$10 Billion In Market Value Lost // Forbes. URL: <https://www.forbes.com/sites/jonathanponciano/2021/08/03/metoo-topples-activision-blizzard-exec-after-huge-staff-revolt-10-billion-in-market-value-lost/?sh=28e3d02fb480> (accessed 10.10.2021).

⁸ Auxier B., McClain C. Americans think social media can help build movements, but can also be a distraction // Pew Research Center. URL: <https://www.pewresearch.org/fact-tank/2020/09/09/americans-think-social-media-can-help-build-movements-but-can-also-be-a-distraction/> (accessed 10.10.2021).

Говоря об интернет-пространстве, важно понимать, что цифровое неравенство накладывает серьезный отпечаток на отдельные слои общества, вовлеченные в онлайн-активизм. При равном доступе к информации о возможностях участия представительность различных групп значительно смещена в сторону людей, обладающих знаниями и ресурсами (Rottinghaus, Escher, 2020). Часто на первый план выходят молодые люди с низким уровнем доверия к политической системе и высоким уровнем политического интереса (Theocharis et al., 2021). Участие лиц старшего возраста, как правило, осложняется недостатком цифровых компетенций и проблемами при взаимодействии с веб-ресурсами (Seddighi, Salmani, 2018). В связи с этим социально-демографические портреты последователей офлайн и онлайн форматов гражданского участия различаются. Похожим образом обстоят дела с мотивацией, побуждающей людей к активности в сети Интернет. Например, онлайн-волонтеры наряду с альтруизмом, социальным признанием, саморазвитием испытывают большую потребность в гибкости и свободе (прежде всего в отношении времени и места работы) (Silva et al., 2018).

Как и в случае с традиционными практиками, страновые и региональные различия в цифровом гражданском участии во многом зависят от экономических, институциональных и социокультурных особенностей. На примере Facebook было показано, что протестная мобилизация прежде всего происходит в следующих странах: технологически развитых, с ростом общественного недовольства или отсутствием иных возможностей для координации действий против властей (Fergusson, Molina, 2021). При этом, как показывают исследования, относительно разрозненные сети с превалированием дальних связей у активистов будут скорее способствовать распространению информации о протесте, а сети с более плотными кластерами и сильными связями — протестному поведению (при увеличении рисков формирования замкнутого сообщества, за пределы которого протест не выходит (Jost et al., 2018)). В связи с этим большое значение отводится типу населенного пункта. Так, в сельской местности активность граждан зависит в основном не от

присутствия в Интернете лидеров мнений или сетевого характера распространения информации, а от поведения ближайшего окружения. Хотя здесь имеются и свои исключения, когда, например, речь заходит о политических выборах на уровне государства (Eubank, 2021). В свою очередь в городских округах, характеризующихся более высоким социальным капиталом и участием людей в онлайн-сообществах, усилия по координации коллективных действий заметно снижаются (Enikolopov et al., 2020).

Особенностью цифрового гражданского участия является низкий порог для входа. Подтверждением этому выступают последствия коронавируса COVID-19. Так, через три недели после объявления о введении ограничительных мер и блокировки деятельности официальных учреждений социального профиля в Дании было образовано 247 групп поддержки в Facebook с количеством участников в сотни тысяч человек, а в Германии каждый четвертый волонтер, оказывающий помощь в период пандемии, до этого не принимал участия в гражданских инициативах (Hjalmar et al., 2021).

В конечном итоге на вовлечение людей в цифровое гражданское участие влияют характеристики *интернет-подключения* (как правило, более активны пользователи с широкополосным доступом) и *веб-сайтов* (их популярность и ангажированность, предвзятость подачи информации), а также *пользовательский опыт*. Результаты исследования электорального поведения взрослого населения в США показали, что популярность и очевидная предвзятость сетевых ресурсов сказываются не только на отношении к получаемой информации, но и на последующей активности (Al-Hasan, Khalil, 2021). Вместе с тем оценить реальный эффект от использования глобальной сети для вовлечения людей в гражданское участие весьма сложно, что во многом обусловлено необходимостью учета такого фактора, как наличие интереса, определяющего общий настрой в отношении онлайн-активизма (Boulianne, 2009). Исходя из этого, персонализированные приглашения выступают эффективным инструментом мобилизации, который увеличивает уровень участия в четыре-семь раз (Rottinghaus, Escher, 2020).

К недостаткам и негативным проявлениям ИКТ в контексте цифрового гражданского участия можно отнести переизбыток информации, возможность контроля информационного поля со стороны власти, подмену реальной среды/действий виртуальной. Год выборов Президента США сопровождался политическими атаками в социальных сетях, что заставило более половины взрослых пользователей (55%) сообщать об информационной «усталости»⁹. Кроме того, большинство американцев (72%) не находят точек соприкосновения в ходе онлайн-дискуссий о политике. Также исследователи обращают внимание на использование авторитарными правительствами социальных сетей для контроля демократических движений (Gunitsky, 2015). В связи со сказанным тревожным представляется тот факт, что около 70% пользователей социальных сетей в США никогда не публикуют информацию (или весьма редко) и не рассказывают о политических и социальных проблемах из-за нежелания подвергаться нападкам из-за своих взглядов¹⁰.

В результате можно ли считать цифровое гражданское участие эффективным способом преодоления социальных вызовов? По нашему мнению, сама постановка вопроса содержит в себе ответ, который может быть как положительным, так и отрицательным в зависимости от позиции государства и общества на этот счет. С одной стороны, онлайн-активизм прочно вошел в общественную жизнь, преобразуя окружающую нас действительность, чему способствует развитие технологий (например, использование блокчейн для проведения электронного голосования). Вследствие этого спектр возможных направлений деятельности постоянно расширяется. Учитывая низкий порог входа, все больше людей могут раскрыть свой гражданский потен-

циал как минимум на базовом уровне (репосты сообщений, подписание петиций, онлайн-волонтерство и т. д.), поскольку отдельные действия в сети требуют наличия определенных компетенций. С другой стороны, существует немало примеров, когда власти пытаются жестко регламентировать цифровое гражданское участие, очерчивая весьма узкие границы дозволенного (в основном в рамках формальных механизмов взаимодействия). Даже в странах, приверженных принципам делиберативной демократии, нередко звучат идеи о борьбе с чрезмерной свободой Интернета, особое место отводится деанонимизации пользователей, блокировке нежелательного контента и противодействию хакерским атакам.

В условиях стремительной цифровизации всех сфер жизнедеятельности кажется очевидным, что дальнейшее повышение значимости виртуального пространства приведет к сращиванию онлайн и офлайн миров. Это позволит преодолеть ряд сложностей, связанных с недоверием к цифровому гражданскому участию, хотя и породит новые вызовы, которые не раз упоминались в художественной литературе. В связи с этим ситуация во многом кажется патовой, а единственным рациональным вариантом разрешения противоречий служит пристальный контроль за развитием онлайн-активизма со стороны государства и общества, поиск взаимных компромиссов.

Заключение

Таким образом, проведенный анализ показал, что цифровое гражданское участие, получившее широкое распространение в последние десятилетия, вносит серьезный вклад в развитие общественной и политической жизни. В этом плане Интернет не только является средством массовой коммуникации и поиска информации, посредством которого заметно проще вести социальный диалог и реализовывать традиционные практики активизма, но и способствует формированию принципиально новых моделей поведения, характерных прежде всего для молодого поколения. Особая роль в этом процессе отводится социальным сетям как одному из важнейших каналов для выражения собственной позиции и взаимодействия (преимущественно межличностного и неформального). Во многом дополняя друг друга, офлайн

⁹ Anderson M., Auxier B. 55% of U.S. social media users say they are 'worn out' by political posts and discussions // Pew Research Center. URL: <https://www.pewresearch.org/fact-tank/2020/08/19/55-of-u-s-social-media-users-say-they-are-worn-out-by-political-posts-and-discussions/> (accessed 10.10.2021).

¹⁰ Auxier B., McClain C. Americans think social media can help build movements, but can also be a distraction // Pew Research Center. URL: <https://www.pewresearch.org/fact-tank/2020/09/09/americans-think-social-media-can-help-build-movements-but-can-also-be-a-distraction/> (accessed 10.10.2021).

и онлайн форматы гражданского участия имеют множество отличий с точки зрения форм проявления, способов привлечения и состава активистов, а также условий, необходимых для осуществления коллективных действий.

Обобщая накопленный опыт в этой области, достаточно сложно сформулировать однозначную позицию об эффектах онлайн-активизма. Тезис о его негативных последствиях, где центральное место занимают риски слактивизма, хотя и является предметом широкого обсуждения, лишь отчасти находит эмпирическое подтверждение. В основном же речь идет о недостатках широкого распространения ИКТ в целом (дезинформация, интернет-травля, хакерские атаки и т. д.), которые наносят серьезный ущерб и отдельным инициативам, и развитию всего общества, т. к. выходят далеко за рамки виртуального пространства. В связи с этим во многих странах предпринимаются

серьезные меры, направленные на урегулирование Интернета и формализацию онлайн-активизма.

Вопрос о перспективах цифрового гражданского участия во многом носит риторический характер, поскольку возникновение данного феномена выступает объективным следствием перехода стран к информационному обществу. Однако контуры и степень дозволенности проявления коллективных действий в глобальной сети будут зависеть как от доминирующей повестки в отношении обеспечения принципов делиберативной демократии (например, функционирование электронного правительства), так и от самих технологий, позволяющих людям свободно высказывать свою позицию и влиять на общественные процессы. В настоящее время очертить эту грань едва ли представляется возможным.

Литература

- Ахременко А.С., Стукал Д.К., Петров А.П. (2020). Сеть или текст? Факторы распространения протеста в социальных медиа: теория и анализ данных // Полис. Политические исследования. № 2. С. 73–91. DOI: 10.17976/jpps/2020.02.06
- Башева О.А. (2020). Цифровой активизм как новый метод гражданской мобилизации // Научный результат. Социология и управление. Т. 6. № 1. С. 41–57. DOI: 10.18413/2408-9338-2020-6-1-0-4
- Демакова К., Маковецкая С., Скрыкова Е. (2014). Неполитический активизм в России // Pro et Contra. № 3–4. С. 148–163.
- Ермолаева П.О., Ермолаева Ю.В., Башева О.А. (2020). Цифровой экологический активизм как новая форма экологического участия населения // Социологическое обозрение. Т. 19. № 3. С. 376–408. DOI: 10.17323/1728-192x-2020-3-376-408(388)
- Макарова Е.А., Макарова Е.Л., Махрина Е.А. (2016). Психологические особенности кибербуллинга как формы интернет-преступления // Российский психологический журнал. № 13 (3). С. 293–311. DOI: [https://doi.org/10.21702/rpj.2016.3.17\(298-299\)](https://doi.org/10.21702/rpj.2016.3.17(298-299))
- Никовская Л.И. (2017). Гражданский активизм и публичная политика в России: состояние и вызовы // Государство и граждане в электронной среде. Вып. I (Труды XX Международной объединенной научной конференции Интернет и современное общество, IMS-2017, Санкт-Петербург, 21–23 июня 2017 г. Сборник научных статей). СПб.: Университет ИТМО. С. 144–158.
- Скалабан И.А. (2011a). Общественное участие: теоретико-методологические проблемы интерпретации // Современные исследования социальных проблем. Т. 6. № 2. С. 216–220.
- Скалабан И.А. (2011b). Социальное, общественное и гражданское участие: к проблеме осмысления понятий // Вестник Томского государственного университета. Серия «Философия. Социология. Политология». № 1 (13). С. 131–139.
- Смолева Е.О. (2021). Интернет-практики участия граждан в создании комфортной городской среды (на материалах Северо-Западного федерального округа) // Проблемы развития территории. Т. 25. № 2. С. 90–107. DOI: 10.15838/ptd.2021.2.112.6
- Al-Hasan A., Khalil O., Yim D. (2021). Digital information diversity and political engagement: The impact of website characteristics on browsing behavior and voting participation. *Information Polity*, 26(1), 21–37. DOI: 10.3233/IP-190183

- Barua Z., Barua S., Aktar S., Kabir N., Li M. (2020). Effects of misinformation on COVID-19 individual responses and recommendations for resilience of disastrous consequences of misinformation. *Progress in Disaster Science*, 2020, 8. Available at: <https://www.sciencedirect.com/science/article/pii/S2590061720300569> (accessed: October 10, 2021). DOI: 10.1016/j.pdisas.2020.100119
- Bennett L.W. (2012). The personalization of politics: Political identity, social media, and changing patterns of participation. *The Annals of the American Academy of Political and Social Science*, 644, 20–39. DOI: 10.1177/0002716212451428
- Bennett L.W., Segerberg A. (2015). The logic of connective action. Digital media and the personalization of contentious politics. *Information, Communication & Society*, 15(5), 739–768.
- Boulianne S. (2009). Does Internet use affect engagement? A meta-analysis of research. *Political Communication*, 26(2), 193–211. DOI: 10.1080/10584600902854363
- Boulianne S., Theocharis Y. (2020). Young people, digital media, and engagement: A meta-analysis of research. *Social Science Computer Review*, 38(2), 111–127. DOI: 10.1177/0894439318814190
- Bovet A., Makse H.A. (2019). Influence of fake news in Twitter during the 2016 US presidential election. *Nature Communications*, 10. Available at: <https://www.nature.com/articles/s41467-018-07761-2> (accessed: October 10, 2021). DOI: 10.1038/s41467-018-07761-2
- Boyd D. (2008). Facebook’s privacy trainwreck: Exposure, invasion, and social convergence. *Convergence: The International Journal of Research into New Media Technologies*, 14, 13–20.
- Edgerly S., Vraga E.K., Bode L., Thorson K., Thorson E. (2018). New media, new relationship to participation? A closer look at youth news repertoires and political participation. *Journalism & Mass Communication Quarterly*, 95, 192–212. DOI: 10.1177/1077699017706928
- Enikolopov R., Makarin A., Petrova M., Polishchuk L. (2020). Social image, networks, and protest participation. *SSRN Electronic Journal*. Available at: https://papers.ssrn.com/sol3/papers.cfm?abstract_id=2940171
- Etzioni A., Etzioni O. (1999). Face-to-face and computer-mediated communities, a comparative analysis. *The Information Society*, 15(4), 241–248. DOI: 10.1080/019722499128402
- Eubank N., Grossman G., Platas M.R., Rodden J. (2021) Viral voting: Social networks and political participation. *Quarterly Journal of Political Science*, 16(3), 265–284. DOI:10.1561/100.00019092
- Fergusson L., Molina C. (2021). *Facebook Causes Protests*. Lacea Working Paper Series No. 0041.l. 112 p.
- Gerbaudo P. (2017). From cyper-autonomism to cyber-populism: an ideological history of digital activism. *TripleC: Communication, Capitalism & Critique*, 15(2), 477–489. DOI: 10.31269/triplec.v15i2.773
- Gunitsky S. (2015). Corrupting the cyber-commons: Social media as a tool of autocratic stability. *Perspect. Polit.*, 13(1), 42–54.
- Hjalmar B.C., Jonas T., Benedikte B. (2021). On solidarity and volunteering during the COVID-19 crisis in Denmark: The impact of social networks and social media groups on the distribution of support. *European Societies*, 23(1), 122–140. DOI: 10.1080/14616696.2020.1818270
- Howard P.N., Duffy A., Freelon D., Hussain M., Mari W., Mazaid M. (2011). *What Was the Role of Social Media During the Arab Spring?* PITPI Work. Pap. 30 p.
- Howard P.N., Savage S., Flores Saviaga C., Toxtli C., Monroy-Hernández A. (2016). Social media, civic engagement, and the slacktivism hypothesis: Lessons from Mexico’s “El Bronco”. *Journal of International Affairs*, 70(1), 55–74.
- Jost J.T., Barber P., Bonneau R., Langer M., Metzger M., Nagler J., Sterling J., Tucker J.A. (2018). How social media facilitates political protest: Information, motivation, and social networks. *Political Psychology*, 39, 85–118. DOI: 10.1111/pops.12478
- Khondker H.H. (2011). Role of the new media in the Arab Spring. *Globalizations*, 8(5), 675–679. DOI: 10.1080/14747731.2011.621287
- Kristofferson K., White K., Pelozo J. (2014). The nature of slacktivism: How the social observability of an initial act of token support affects subsequent prosocial action. *Journal of Consumer Research*, 40(6), 1149–1166. DOI: 10.1086/674137
- Lane D.S., Dal Cin S. (2018). Sharing beyond slacktivism: The effect of socially observable prosocial media sharing on subsequent offline helping behavior. *Information, Communication & Society*, 21(11), 1523–1540. DOI: 10.1080/1369118X.2017.1340496
- Lane D.S., Lee S.S., Liang F., Kim D.H., Shen L., Weeks B.E., Kwak N. (2019). Social media expression and the political self. *Journal of Communication*, 69(1), 49–72. DOI: 10.1093/joc/jqy064

- Lee Y.-H., Hsieh G. (2013). Does slacktivism hurt activism? the effects of moral balancing and consistency in online activism. In: *Proceedings of the SIGCHI Conference on Human Factors in Computing Systems (CHI '13)*. Association for Computing Machinery, New York. DOI: 10.1145/2470654.2470770
- Lonkila M., Shpakovskaya L., Torchinsky P. (2021). Digital activism in Russia: The Evolution and forms of online participation in an authoritarian state. In: Gritsenko D., Wijermars M., Kopotev M. (Eds.). *The Palgrave Handbook of Digital Russia Studies*. Cham: Palgrave Macmillan. DOI: 10.1007/978-3-030-42855-6_8
- Mandarano L., Meenar M., Steins C. (2010). Building social capital in the digital age of civic engagement. *Journal of Planning Literature*, 25(2), 123–135. DOI: 10.1177/0885412210394102 (132)
- Menteş S.A. (2019). Online environmental activism: The case of Iğneada floodplain forest. *SAGE Open*, 9, 1–10. DOI: 10.1177/2158244019877877
- Micheletti M. (2003). *Political Virtue and Shopping: Individuals, Consumerism and Collective Action*. New York: Palgrave-Macmillan.
- Milbrath L. (1965). *Political Participation: How and Why Do People Get Involved in Politics*. Chicago, IL: Rand McNally.
- Norris P. (2001). *Digital Divide: Civic Engagement, Information Poverty, and the Internet Worldwide*. New York: Cambridge University Press. 303 p.
- Pettingill L. (2008). Engagement 2.0? How the new digital media can invigorate civic engagement. *Gnovis Journal*, 8(3), 155–161.
- Putnam R. (2000). *Bowling Alone: The Collapse and Revival of American Community*. New York: Simon & Schuster.
- Rottinghaus B., Escher T. (2020). Mechanisms for inclusion and exclusion through digital political participation: Evidence from a comparative study of online consultations in three German cities. *Z Politikwiss*, 30, 261–298. DOI: 10.1007/s41358-020-00222-7
- Seddighi H., Salmani I. (2018) Online volunteering, a way to reduce health inequalities: A review study. *Journal of Community Health Research*, 7(4), 256–264.
- Silva F., Proença T., Ferreira M.R. (2018). Volunteers' perspective on online volunteering – a qualitative approach. *International Review on Public and Nonprofit Marketing*, 15, 531–552. Available at: <https://doi.org/10.1007/s12208-018-0212-8>
- Smith B.G., Krishna A., Al-Sinan R. (2019). Beyond slacktivism: Examining the entanglement between social media engagement, empowerment, and participation in activism. *International Journal of Strategic Communication*, 13(3), 182–196. DOI: 10.1080/1553118X.2019.1621870
- Teocharis Y. (2015). The conceptualization of digitally networked participation. *Social Media Society*, 2(1), 5. DOI: 10.1177/2056305115610140
- Theocharis Y., de Moor J., van Deth J.W. (2021). Digitally networked participation and lifestyle politics as new modes of political participation. *Policy & Internet*, 13(1), 30–53. DOI: 10.1002/poi3.231
- Tranfield D., Denyer D., Smart P. (2003). Towards a methodology for developing evidence-informed management knowledge by means of systematic review. *British Journal of Management*, 4, 207–222.
- Vegh S. (2003). Classifying forms of online activism: The case of cyberprotests against the World Bank. In: McCaughey M., Ayers M. (Eds.). *Cyberactivism: Online Activism in Theory and Practice*. New York: Routledge.
- Weber L., Loumakis A., Bergman J. (2003). Who participates and why? An analysis of citizens on the Internet and the mass public. *Social Science Computer Review*, 21, 26–42.
- Wolfsfeld G., Segev E., Sheafer T. (2013). Social media and the Arab Spring: Politics comes first. *Int. J. Press.*, 18(2), 115–137.
- Wu W., Weaver D. (1997). On-line democracy or on-line demagoguery? Public opinion “polls” on the Internet. *Harvard International Journal of Press/Politics*, 2 (4), 71–86.
- Xenos M., Vromen A., Loader B.D. (2014). The great equalizer? Patterns of social media use and youth political engagement in three advanced democracies. *Information, Communication & Society*, 17(2), 151–167. DOI: 10.1080/1369118X.2013.871318
- Yang K.C., Kang Y. (2017). Social media, political mobilization, and citizen engagement: A case study of the March 18, 2014, Sunflower Student Movement. In: Adria M., Mao Y. (Eds.). *Handbook of Research on Citizen Engagement and Public Participation in the Era of New Media*. IGI Global. Available at: <http://doi:10.4018/978-1-5225-1081-9.ch020>
- Yessenbekova U.M. (2020). Social media and slacktivism in young people's life. *Media Watch*, 11(3), 515–525.

Сведения об авторах

Елена Олеговна Смолева – научный сотрудник, Вологодский научный центр Российской академии наук (160014, Российская Федерация, г. Вологда, ул. Горького, д. 56а; e-mail: riolenas@rambler.ru)

Андрей Васильевич Попов – кандидат экономических наук, старший научный сотрудник, Вологодский научный центр Российской академии наук (160014, Российская Федерация, г. Вологда, ул. Горького, д. 56а; e-mail: ai.popov@yahoo.com)

Smoleva E.O., Popov A.V.

Digital Civic Participation in the Context of Modern Research

Abstract. The emergence and development of digital civic participation is an inevitable consequence of Internet penetration into various spheres of life. Despite the novelty of the phenomenon itself, the practices of online activism have become engrained in public life; and they have a significant impact on certain events, and sometimes even act as the main trigger of subsequent changes, which is especially typical of the political system. At the same time, there are many concerns related to the spread of digital civics, so that it is very difficult to talk about the long-term implications of such transformations. In this regard, the purpose of our research is to summarize the experience of studying digital civic participation and highlight the features of its manifestation in a modern world. The research methodology is based on the principles of making a systematic scientific review. During the analysis, we identify essential foundations and distinctive features of online activism compared to the traditional offline format, which are reflected in the forms of manifestation, methods of attracting and composition of the participants themselves, as well as the conditions necessary for collective action. The scope of digital civic participation is largely ensured by the ease of entry into public affairs, and the variability of activities and types of networking. Despite the prevalence of the thesis about the purely external visibility of online activism and its destructive consequences, specific empirical studies do not confirm this conclusion. Nevertheless, the threats of the spread of ICT are quite real and go far beyond the virtual space. In conclusion, we formulate several polemic provisions on possible ways to overcome the contradictions in this area. Our research contributes to the development of scientific ideas about the specifics of digital civic participation and the disclosure of the potential of its application from the standpoint of modern challenges and threats.

Key words: digital civic participation, online activism, digital activism, social media, slacktivism, civic participation, digitalization.

Information about the Authors

Elena O. Smoleva – Researcher, Vologda Research Center, Russian Academy of Sciences (56A, Gorky Street, Vologda, 160014, Russian Federation; e-mail: riolenas@rambler.ru)

Andrei V. Popov – Candidate of Sciences (Economics), Senior Researcher, Vologda Research Center, Russian Academy of Sciences (56A, Gorky Street, Vologda, 160014, Russian Federation; e-mail: ai.popov@yahoo.com)

Статья поступила 03.12.2021.